

Безбрежные просторы украинских степей покрылись до рези, режущей глаза ослепительной белизной бархатного душистого снега. С отчаянием и тоской вглядываюсь я невооруженным глазом в широкую снежную даль в надежде увидеть хотя бы одного плюгавенького фрица. Я жажду этого момента, когда он появится, такой ненавистный и подлый, но вместе с тем желанный для меня фриц. Но нет, увы, надежды мои тщетны. Лишь злой ветерок зимний насмешливо режет мне лицо и беспечные снежные пушинки осыпают меня своей веселой легкостью. Коварный, жестоко [...]щий мороз пробирается мне за спину и охватывает мое приунывшее сердце скучающей дрожью сироты.

Я мечтаю о голубоглазой, черноглазой, всякого цвета глаз девушке, наконец, только нежной, только теплой и ласковой. Я мечтаю о счастье сиротливого сердца любящего и в этих мечтах я еще сильнее, еще отчаяннее ищу того ненавистного немца, который отнял у меня молодость, отнял у меня счастье, отнял девушку. Глаза мои ищут два образа, преисполненные резкой противоположности. Ищут в устланной в мутнотелом тумане горизонта образ милой, родной, образ ненавистный и чужой – оба необходимые [...]

И вдруг, о радость, мои глаза начинают различать в серовато-задумчивой дали едва вырисовывающиеся черты немцев. Даже масхалаты, даже туман и снег не сумели скрыть от моего ненавидящего глаза этих темных личностей на фоне белизны зимнего заснеженного утра.
[...]

Их много. На наблюдательный пункт приносят долгожданный бинокль и я вижу даже смутно вырисовывающиеся [...] как на плохо освещенном киноэкране мелькающие образы немцев, их лица, их одежду. Вот один прикладывает бинокль к глазам своим, зарящаясь на нашу жизнь, на нашу землю, на наших девушек. Огонь – команду по телефону и мне кажется, что со мной рядом стоит прекрасноглазая девушка и наблюдает за моей работой. Мне становится тепло и приятно.